

Евгений ЭРАСТОВ

Родился в 1963 году в Горьком. Окончил Горьковский медицинский институт и Литинститут им. А. М. Горького. Доктор медицинских наук.

Автор семи поэтических и четырех прозаических книг, а также более двухсот публикаций в периодике. Произведения переводились на английский, немецкий, испанский, македонский и болгарский языки. Лауреат премий Нижнего Новгорода (2008), Нижегородской области им. А.М. Горького (2014), имени Ольги Бешенковской (Германия, 2014), литературной премии имени Марины Цветаевой (Татарстан, Елабуга, 2014), литературной премии имени Николая Рыленкова (Смоленск, 2022) и многих других, победитель нескольких международных поэтических конкурсов.

Член Союза писателей России. Живет в Нижнем Новгороде.

ЛЕД И ПЛАМЕНЬ

1

Стасик Сеницын был очень любознательным, жизнелюбивым и в меру талантливым мальчиком. Люди и явления жизни в большей степени были интересны ему, нежели не интересны. Все предметы, которые приходилось изучать в школе, были ему по душе. Даже точные науки, к которым наш герой явно не имел особой склонности, привлекали его своей сложностью и тем постоянным и настойчивым преодолением, которое нужно было проявлять для их понимания. Стасик был очень скромным мальчиком, а эта черта никогда не способствует карьере. Кроме того, была у него довольно редкая особенность. Уважая людей, он, однако, совершенно не следовал их стереотипам, и ему было всё равно, что о нем говорят и думают. Но поскольку эта не очень выигрышная черта характера не всем была видна, товарищи очень любили и уважали Стасика.

Родители нашего героя трудились на ниве советского здравоохранения. Мама была терапевтом и врачом реанимации, а папа – оперирующим гинекологом. Понятно, что и сам Стасик избрал для себя врачевание как будущую специальность.

Поступив в медицинский институт, молодой человек продолжал хорошо учиться, с однокурсниками своими был удивительно ровен в общении, и всегда на открытом лице его была совсем даже не дежурная улыбка.

Когда Стасик учился на втором курсе, произошли в нем некоторые перемены. Оно и понятно – гормональная перестройка даром не проходит. Однако вовсе не девушки вскружили парню голову, а явления, можно так сказать, медитативного порядка. Однажды в бабушкином саду увидел он нечто такое, что заставило его застыть от удивления. Именно с этого момента Стасик и ощутил необычность своего жизненного пути. А увидел он, по мнению абсолютного большинства

людей, какую-то самую что ни на есть ерунду – после пронзительного оловянного летнего дождя по кривым тоненьким веткам вишни ползли маленькие серебристые застенчивые капельки.

Стасик сразу понял, что эти капельки и представляют для него какую-то запредельную ценность, и посчитал свои ощущения настолько особенными, что и поделиться ими даже с самыми близкими людьми не мог.

Конечно, молодой человек не ведал, что подобные ощущения испытывали Ду Фу, Сайге, Франсуа Верлен, Афанасий Фет и еще многие и многие не самые ограниченные люди. Но вот ведь беда – вышеназванные персоналии давно уже умерли и никак не могли поделиться со Стасиком своими ощущениями.

С тех пор мальчик начал писать стихи.

Родители Стасика, конечно, были далеки от литературы, но в то же время и полными недоумками их назвать было нельзя. Советские врачи всё-таки. В доме была большая библиотека, и чтение книг считалось вовсе не пустым времяпрепровождением.

Как мы уже писали, Стасику было совершенно по барабану, что о нем думают окружающие, и стихи свои он никому не показывал. В то же время они вовсе не были для него чем-то таким уж невероятно интимным, что нужно было обязательно скрывать от окружающих. Он писал их в толстых амбарных книгах кривым почерком интеллектуального ребенка, и родители его, читая эти тексты, никак не могли понять, насколько они лучше или хуже стихов какого-нибудь Евтушенко или Рождественского. Но Рождественский-то все-таки был поэт, пусть и странный какой-то, непрезентабельно заикающийся, неказистый, но книги его валялись в магазинах, а самого стихотворца показывали по телевизору. Словом, нужен был эксперт, который определил бы, насколько важным делом занимается их сын и имеют ли его литературные занятия хоть какую перспективу.

Как известно, на ловца и зверь бежит. Попал в палату Светланы Ивановны больной Арчибальдов, местный поэт и драматург, страдающий диабетом второго типа вкуче с гипертонической болезнью.

Через несколько дней принесла ему врачаха одну из амбарных книг со стихами Стасика, попросив высказать свое авторитетное мнение.

Ответ Арчибальдова был неожиданным.

– Вы знаете, – ответил письменник, – для такого молодого парня очень даже и неплохо. У него есть чувство ритма и рифмы, а стихи в целом весьма интересные. Во всяком случае, он явно не графоман. Но вы же понимаете, что в наше время поэты созревают очень поздно. И я не могу давать никаких прогнозов. Ясно одно – этому парню нужно учиться, посещать литстудию. Пусть ходит ко мне, по средам, в Дом работников торговли.

Мама рассказала Стасику о словах Александра Григорьевича.

На сына они не произвели никакого впечатления.

– Честно сказать, – проговорил парень, – Арчибальдов этот мне совершенно не интересен. Представляю, какую галиматью он пишет.

– Откуда ты знаешь? – удивилась мама. – Ты же не читал его стихов.

– Ну, может, я и не прав. Но почему-то мне так кажется.

– Конечно, не прав. Ты же пишешь для людей.

– Нет, я пишу для себя. Чтобы скучно не было.

– Вот и Пушкин тоже писал, чтобы не было скучно, – не унималась мама. – А получались то «Евгений Онегин», то «Капитанская дочка».

Не понимаю, какой толк писать в стол. Я уже обещала Александру Григорьевичу, что ты к нему зайдешь.

У Светланы Ивановны была одна похвальная черта характера – она почти всегда добивалась поставленной цели. Герой наш понимал, что существует только один способ отделаться от маминой навязчивой идеи – полностью подчиниться родительской воле. Надо было обязательно сходить к этому писателю, прочитать ему стихи, может быть, даже придумать для мамы что-нибудь в качестве оправдания – но только для того, чтобы она, наконец, отступилась от него.

Александр Григорьевич совсем не походил на писателя, к тому же и одет он был как-то очень уж демократично. В небольшой комнатке Дома работников торговли он чувствовал себя весьма комфортно. Все взгляды студийцев были обращены исключительно на него, и, судя по всему, ему это очень нравилось.

Профессиональный сочинитель сразу же понял, что Стасик и есть сын его лечащего врача, поэтому отошел от обычной схемы обсуждения, когда студийцы начинали критиковать стихотворца, а руководитель выступал в самом конце. Нужно было ни в коем случае не обидеть этого мальчика.

Но Александр Григорьевич не понимал, что Стасика трудно обидеть.

Что касается студийцев, так они были не лыком шиты – сразу поняли, что у мэтра какое-то особое, пристрастное отношение к пришедшему стихослагателю, почувствовали, что он по благу пришел или, как говорили во времена царские, старорежимные, «по протекции». А блатные такие никому особенно не нравятся. Когда руководитель похвалил тексты Стасика и рекомендовал ему почаще посещать студию, начинающие авторы решили взять реванш.

– А что, собственно, принципиально нового мы можем выудить из этих текстов? – риторически спросил мужчина неопределенного возраста с нечесаными патлами сальных волос, падающих на покрытый мелкой перхотью воротник старенького коричневого вельветового пиджака.

– Ну ты, Саша, как-то уж слишком жестко. Можно подумать, что в твоих стихах есть это новое! – заметил мэтр, и студийцы радостно и подобострастно засмеялись. – Не забудь, что парню только восемнадцать лет!

– Мандельштам в его годы уже классические стихи писал! – послышался из угла гнусавый голос поэта Илюши Гринберга.

Казалось, студийцы хотели одного – всячески доказать Стасику, что его произведения – сущий пустяк и что гордиться ему совершенно нечем. Им как будто хотелось испортить мальчику настроение, сделать его не таким уверенным и высокомерным, каким он предстал их воображению. А на самом деле никакой особой уверенности у Стасика не было, и высокомерием он не страдал. Просто ему, в отличие от студийцев, было совершенно безразлично, как его стишки воспримут.

– Александр Григорьевич прав, – вмешалась красивая длинноногая брюнетка по имени Анфиса, постоянно поправляя на бедрах до неприличия короткую черную юбку с красивыми кружевными оборками, – это же еще совсем мальчик! Давайте пощадим его самолюбие! Мне вот эти стихи понравились. В них есть... как это... потенциал!

Анфиса, как ни странно, этими словами пыталась обратить на себя внимание молодого парня, поскольку ей, несмотря на красоту и молодость, явно такового не доставало.

Но Стасик на слова Анфисы явно не повелся.

Возвратясь домой, он заявил маме, что в студии ему все понравилось, однако ходить туда он больше не будет.

«Там собираются настоящие поэты. А я разве поэт? Нет, конечно. Просто я природу люблю и пишу про нее в свободное от учебы время!»

2

Стасик понимал, что родителям не нравятся его литературные занятия, поэтому старался писать, когда они были на работе, а тетрадки и амбарные книги прятал на антресолях.

На третьем курсе за отличную учебу наградили его бесплатной путевкой в спортивный лагерь Ростовского медицинского института, находившийся на Черном море, неподалеку от города Туапсе. А Светлана Ивановна в это время, пользуясь отсутствием сына, решила сделать генеральную уборку в квартире. До чего же была она удивлена, когда обнаружила на антресолях двенадцать исписанных амбарных книг и двадцать шесть общих тетрадей!

Женщина была убеждена, что ее сын давно уже отошел от всей этой галиматши и взялся за ум.

– Ну и что в этом ужасного? – возразил на ее возгласы папа Стасика, Валерий Викторович. – Парень прекрасно учится. Путевкой наградили. Ну мало ли у кого какие увлечения! Хорошо, что не пьет и не курит, девок не портит понапрасну.

– А по мне, лучше бы портил! – не унималась Светлана Ивановна. – Двадцать лет уже человеку. Некоторые уже женятся в таком возрасте. А он графоманией занимается! Тоже мне, писатель!

И все-таки не верила она до конца собственным словам и, собравшись духом, взяла одну из толстых тетрадок – и напрямик к Александру Григорьевичу, в Дом культуры.

Мэтр был польщен визитом вдумчивого врача и красивой женщины в одном лице, нехотя взял принесенную тетрадку, стал читать стихи и... зачитался.

– Светлана Ивановна, могу вам точно сказать, что всё это на порядок лучше, чем то, что вы приносили мне тогда, года два назад. Я могу сделать ему сюрприз – напечатать несколько стихотворений в нашей областной молодежной газете. Тем более что я сейчас подвигаюсь там в качестве заведующего отделом культуры. Хотите?

– Вы не шутите? – удивилась врачиха. – Это действительно могут напечатать?

– Голову даю на отсечение. Я этому поспособствую. Сделаем ему сюрприз. Парень явно в восторге будет!

– Но я ведь принесла эти стихи втайне от него. Не знаю, понравится ли ему...

– Да вы что! – чуть ли не закричал Александр Григорьевич. – Еще как понравится! Все нормальные парни мечтают о славе! Знаете, что сделал я, когда впервые напечатался в этой газете? Я купил в киоске десять номеров, постелил их на полу и катался по ним с боку на бок!

– Вот поэтому вы и стали замечательным поэтом, – продолжила Светлана Ивановна. – А Стасик не такой. Он у нас... Ну как вам сказать... Он у нас... тихий.

– Я вам отвечу так. Пропаганда хороших стихов, написанных в нашем регионе, – одна из задач отдела культуры. Можно сказать, что эти

стихи попали мне на глаза случайно. И я, как журналист и редактор, не имею права пройти мимо них, понимаете? Оставьте мне тетрадку на пару дней. Я внимательно изучу ее, отмечу лучшие тексты и отдам их редакционной машинистке. Хорошо?

Светлана Ивановна долго не решалась показать сыну разворот газеты с большой подборкой его стихов и вступительной врезкой поэта Александра Арчибальдова. Реакция сына была непредсказуемой.

– Похоже, Арчибальдов для тебя старается, – сказал он. – Всем же понятно, что вступление его глубоко фальшиво.

Расстроенная мама не знала, что и ответить.

Через некоторое время она опять полезла на антресоли, чтобы почистить произведения сына. Но ни тетрадей, ни амбарных книг там уже не оказалось.

3

Александр Григорьевич был полной противоположностью Стасику. Ему всегда хотелось стоять на подмостках. Очень нравилось нашему стихотворцу быть в центре. Вне общества Арчибальдов жизни себе не представлял.

В отличие от Стасика, стихи он начал писать поздно, уже будучи студентом. И никаких амбарных книг у него не было. А вот литстудия была – провинциальная и тихая, которую вел местный писатель, одноногий ветеран войны. Александр Григорьевич уважал профессионалов в любой области, поэтому твердо решил, что если уж будет писать стихи, то обязательно хорошие. Учился он в политехническом институте, на очень престижном факультете, где без способностей к точным наукам делать было нечего. Саша был круглым отличником. Любовь к учебе – эта как раз та черта, которая сближала его со Стасиком.

Работать он устроился в секретный «ящик» с пропускной системой со стандартной зарплатой инженера в сто двадцать рублей. Казалось бы, совсем незначительное событие заставило его круто изменить свою жизнь.

Жизнь его изменила женщина. Читатель (и особенно читательница!) обязательно представят здесь что-то интересное, возможно, даже эротическое. Увы, никаких любовных перипетий с этой женщиной и быть не могло, поскольку это была семидесятилетняя старушка, одетая в засаленный синий халат. Старушка с ведром и тряпкой. Точнее уборщица. Но тетя Катя не самая тупая на свете уборщица была, а даже читающая книжки, проработавшая всю жизнь в этом самом «ящике» технологом, пока ее не сократили.

Увидев на столе у Саши небольшую книжечку светло-коричневого цвета, она поинтересовалась, что это такое. Тетя Катя узнала, что в книжке напечатаны три Сашиних стихотворения, за которые ему заплатили аж восемьдесят рублей. Сумма невероятно возбудила бывшего технолога. За три стихотворения можно получить две трети месячной зарплаты инженера! Мыслимое ли это дело!

Бурная реакция уборщицы не прошла мимо молодого стихотворца. Действительно, стоило ли каждый день сидеть в этом самом ящике с восьми до пяти часов, когда можно получать почти такие же деньги, умело рифмуя строчки, особенно на такие темы, которые востребованы в советских редакциях?

Недолго думая, Арчибальдов написал заявление об уходе по собственному желанию.

На жизнь он зарабатывал выступлениями по линии Бюро пропаганды художественной литературы, а также публикациями стихов и статей в местных газетах.

Бог наградил Александра Григорьевича спокойным нравом и жизнелюбием, и этими чертами он очень походил на Стасика. Но если последний был человеком малообщительным и больше всего на свете любил прозрачные капли после дождя, медленно сползающие по тонким веткам, то поэт Арчибальдов без общества жить не мог совершенно. Всегда ему нужно было быть на виду, стоять на подмостках. Сама поэзия как таковая не значила для него ровно ничего, да и как поэт он ничего из себя не представлял. Но был он, безусловно, человек не только способный, но и в каком-то плане даже талантливый – он каким-то внутренним, утробным нюхом ощущал, какой текст в какое издание можно пристроить и как заработать деньги самым что ни на есть быстрым способом.

Довольно часто журналисты становятся писателями. Во всяком случае, чаще, чем инженеры. Случай же Арчибальдова был совершенно противоположным. Уже будучи профессиональным писателем, членом Союза, он стал писать информации в газеты, и не было ни одной статьи, чтобы ее не напечатали, и никто никогда не мог назвать его текст распространенным в редакционных кругах словом «неформат».

Возглавив отдел культуры местной молодежной газетки, Арчибальдов сразу же стал там своим и подчас даже замещал главного редактора.

Особое отношение было у него и к спиртным напиткам. Арчибальдов любил выпить, что, конечно, не способствовало его здоровью. Однако всегда мог остановиться, и неравнодушие к выпивке не переросло у него в зависимость.

Он рано женился на своей однокласснице, которая в тяжелейшее для России время, вошедшее в европейские языки под словом *bespredel*, навсегда рассталась с радиофизикой и стала... бухгалтером.

Родила она нашему письменнику двух прекрасных мальчиков. Счастливая семейная жизнь вовсе не мешала Александру Григорьевичу встречаться с женщинами, отношения с которыми были ему просто необходимы в силу бурного темперамента и любовью ко всякому разнообразию.

Избыточная масса тела, унаследованная сочинителем от предков, явилась традиционной почвой для развития диабета второго типа и гипертонической болезни, из-за которых и пришлось ему познакомиться с мамой Стасика. Но Арчибальдов был кем угодно, только не ипохондрик. Лечиться он не любил.

Поэтому, когда появилась у него боль в пояснице, вспомнил своего папу, мучавшегося от радикулита, и сам поставил себе вышеназванный диагноз.

Увы, радикулита у Александра Григорьевича не было. На МРТ врачи нашли какое-то непонятное образование в позвоночнике, в котором заподозрили метастазы опухоли.

Случайно узнав о своем возможном диагнозе, Арчибальдов испытал шок. Потом он решил, что здесь какая-то ошибка. Во всяком случае,

он должен был умереть не теперь и не сейчас, а через много-много лет, когда у него уже не будет ни отдела культуры, ни литстудии, когда дети вырастут и общение с женщинами утратит всякий интерес.

Лену (а так звали его последнюю подругу) Арчибальдову терять было особенно тяжело.

Пришла работать в отдел писем молодая девчонка, с очень даже средней фигурой и внешностью. Нестираная футболка, вечно мокрая и вонючая в подмышечных впадинах, дырявая и потертая джинсовая юбка. Но что-то в ней было этакое, узнаваемое, нечто такое, что когда-то уже видел Саша Арчибальдов. И была в этой девчонке какая-то детская непосредственность. Не понимала до конца она отношения людей и с начальниками общалась так же, как и с многочисленными людьми, приходящими в газету, – патологическими жалобщиками, правдоискателями и графоманами.

Стремительно у них всё началось с Арчибальдовым. Когда пригласил он ее на Гребной канал покататься на лодке, сначала не соглашалась, ссылаясь на бытовые дела, но, оказавшись на грязной бетонке, заваленной рыболовными крючками и разноцветными осколками битого стекла, сразу же помогла Арчибальдову донести лодку до воды, сноровисто вдела весла в уключины и завертела их болтающимися на красных шелковых нитках красивыми гаечками, как будто она всю жизнь только этим и занималась.

Когда плыли мимо противоположного берега Гребного канала, поросшего кугой и камышами, сказала, что хочет в туалет.

Арчибальдов нашел небольшую песчаную отмель, пришвартовался. Лена быстро выпорхнула из лодки, но не побежала в кусты, а присела прямо на берегу, по-детски глядя в глаза Арчибальдову.

Никогда раньше не испытывал наш герой ничего подобного. Как будто теплая морская волна подхватила его, во рту стало сладко и терпко, словно там лежал леденец, и он понял, что здесь, на берегу, и должно всё произойти.

Как только Лена приподнялась, он уже выскочил из лодки и схватил ее за руки.

– Давайте у меня дома, – предложила Лена, как будто речь шла о каком-то бытовом, хозяйственном деле. – Здесь неудобно, места мало.

Но Арчибальдов уже поставил ее голыми коленками на мокрый песок отмели и спустил дырявую джинсовую юбочку.

– Ой, больно как-то, – простонала Лена. – Я же говорю, дома давайте.

Но Арчибальдов никак не среагировал на ее слова. Постепенно ее стоны стали обретать какой-то иной характер, становились все сильней, настойчивей и ритмичней. Прекрасно понимал наш герой, что теперь уже совсем не от боли она стонет.

Наконец, она сильно закричала, и в этот момент из прибрежных камышей, растопырив крылья, взлетела дикая встревоженная утка.

Лена дышала так, как будто только что сдала норму ГТО по бегу.

– Всё, улетела, – довольно улыбаясь, сказала она, и Арчибальдов тогда совсем не понял, что речь шла вовсе не об утке.

Так неужели никогда больше не услышит он это заветное слово из ее губ – узких и слегка дрожащих, не знающих, что такое губная помада?

Кроме слов, были и не менее дорогие запахи.

В резной шкатулке, привезенной после войны из Германии, бабушка хранила так называемые «драгоценности» – бусы гранатового цвета, серебряные брошки, ремешки и браслетики от часов. А еще там лежал

флакон духов «Красная Москва», удивительно красивая граненая бутылочка с пробкой в виде пятиконечной звезды. Пробка внизу переходила в узкий наконечник с шариком на конце, которым как раз бабушка и душилась, когда выходила из дому.

Саша никогда не открывал эту пробку, его больше интересовали бабушкины безделушки. Но запах от духов шел настолько сильный, настолько специфический, что бабушка, возвращаясь домой, всегда безошибочно определяла, что ее шкатулку открывали. «Опять лазил в шкатулку?» – спрашивала она, еще не успев затворить за собой дверь.

Потом он неожиданно столкнулся со знакомым запахом. Именно этими духами пользовалась жирная директорша школы Альбина Викторовна, по прозвищу Слониха.

«Вот, явилась уже, сменную обувь проверяет, – услышал однажды Арчибальдов из уст молодой практикантки по биологии. – Вся школа “Красной Москвой” провоняла».

Были, конечно, и другие запахи. На спортивной площадке дома отдыха «Красное Сормово» долговязый парень с опереточным именем Роберт так сильно бил по резиновому волану, что однажды закинул его на крышу гаражей. Мама посоветовала заменить волан сосновой шишкой, но эффекта не было – шишка далеко не летела, а однажды даже застряла в ракетке, в квадратике, ограниченном плотной бесцветной леской.

Переживания Саши не прошли мимо папы, и в тот же день он сел на автобус, нашел в городе Кстове спортивный магазин и к ужину вернулся с двумя пахнущими резиной воланами. Один он купил про запас – на тот случай, если вдруг какой-нибудь дурацкий Роберт вместо исполнения опереточной арии опять волан на крышу гаража закинет.

Этот резиновый запах тоже нельзя забыть. Но теперь никаких запахов уже не будет.

И тут неожиданно закон парных случаев сработал. Если раньше Арчибальдова лечила мама Стасика, то теперь он попал к нему, молодому неврологу. Стасику как раз и предстояло определить, что там такое в позвоночнике у местного письменника и, может быть, как-то облегчить боли, которые с каждым днем усиливались.

Увидав Стасика в своей палате, Арчибальдов обрадовался. «Ну, если он такой же врач, как и поэт, то это неплохо», – подумал он.

За прошедшие годы Стасик несколько изменился. От необщительности парня не осталось и следа.

Молодой врач сразу же заявил писателю, что верит в положительный исход его болезни.

– Жить вы будете, Александр Григорьевич. Но, возможно, вам предстоит операция. Принимать таблетки в вашем случае нет никакого смысла – они только ненамного уменьшат боль.

Писатель сразу стал думать, что подарить молодому доктору. Наконец, подарил свою книжку и, подписав ее, произнес:

– Это символический подарок. А главный – впереди.

Стасик прочитал стихи Арчибальдова, и они ему не понравились. Он чувствовал, что должен помочь этому человеку, и помочь не только как врач.

– Неужели вы исключительно потому принялись за сочинительство, что поняли, что так заработать легче всего? А сейчас, публикуясь за счет спонсоров, вы чего добиваетесь? – спросил он у Арчибальдова на следующий день.

– Я добиваюсь одного – получить какую-нибудь премию. Я ведь и книжку эту издал исключительно под премию. Сейчас уже на стихи не проживешь. Но я не пропаду – у меня есть газета.

Он долго рассказывал Стасику о том, какие существуют премии и как сложно их получить.

– Вы не рыбак случайно? – спросил Стасик.

– Нет. Хотя у меня есть резиновая лодка и я люблю на ней плавать.

– У вас психология рыбака. Я сейчас подумал – а что напоминают все эти ваши премии. И вдруг понял – рыбалку. Вот пришли вы на берег, закинули удочку и смотрите – клюнет или нет... А я вот точно не рыбак. Не пойду я за рыбой на Волгу.

– А куда пойдете?

– В магазин. Куплю там рыбу. Я же знаю, что она там есть.

– Если следовать вашему принципу, то и с женщинами знакомиться не надо. Ведь не знаешь, клюнет или нет. Лучше сразу позвонить проститутке. Это наверняка, как в случае с рыбой в магазине... А вот по поводу премий... Да, похоже на рыбалку. Но ведь я всё-таки шесть премий уже получил. Привык уже этот поплавок закидывать. Сам-то я прекрасно понимаю, что стихи мои никто читать не будет.

– Редко встретишь честного человека, – обрадованно сказал Стасик. – Я ведь тоже пишу. Но кое-кому это нужно! Знаете кому?

– Интересно узнать. Маме, наверное.

– Нет, ей совсем не нужно. Она читает только прозаические тексты, да и то редко. Это нужно мне. Работать над словом вообще очень интересно. А вот писать на заданные темы, как вы, я никогда бы не смог.

– Вот и здорово. Но ведь у вас уже есть профессия. Вы врач.

– Ну, не смог бы писать всякое дерьмо я вовсе не поэтому, что в свое время выучился на врача. Просто не хочу писать дерьмо. Вы смогли бы отказаться от своей писанины?

– Наверное, нет. Теперь уже нет. Когда в «ящике» работал инженером, тогда бы смог. Вы знаете, сколько в нормальное время за книги платили?

– Ну так это раньше было. И чаще всего за поэмы всякие типа «Братской ГЭС». У меня к вам предложение. Вы бросаете писать свою галлиматью, а я в ответ снимаю вашу боль. Навсегда снимаю, слышите? Навсегда! И тревогу вашу я убираю. У вас нет никакого рака, слышите? Это не метастаз. Но вам показана операция. Небольшая. После которой боль пройдет.

– Ну, Станислав Валерьевич, это уже какая-то сделка получается. Я не Фауст, вы не Мефистофель... Вам-то какое дело, пишу я или нет?

– Честно сказать, мне, неврологу Синицыну, никакого дела нет. Но я хочу вас вылечить не только от боли в позвоночнике.

– Хорошо. Допустим, я бросаю писать. А в газете вы мне работать не запретите?

– Я хочу, чтобы вы перестали болеть и заниматься дребеденью. Скорей всего, вы и заболели из-за этого. То, что вы пишете всю жизнь в газетке, куда позорнее ваших стихов. В стихах вы почти всегда искренни, хотя сами стихи у вас вялые, беспомощные. Но в газетках-то вы и в советские времена врали, и сейчас продолжаете!

– Ну, спасибо за комплименты, дорогой доктор. Надеюсь, результат вашего лечения окажется для меня приятнее этих разговоров.

– Несомненно. Результат будет очень приятным. Хотя участвовать в операции я не смогу. Это компетенция нейрохирурга. Вы только

сейчас обещайте мне, что прекратите заниматься всякой галиматсией. Вы прекрасно понимаете, что я считаю галиматсией. Не притворяйтесь.

– Хорошо, Мефистофель, – улыбнулся Арчибальдов. – Читайте, сделка совершена. Продаю душу дьяволу в обмен на здоровье.

– Как раз наоборот! Я вырываю вас из дьявольских лап навсегда. Все, вы обещали, обратной дороги нет. Но помните – если вы меня обманите, тогда прогноз болезни может быть совсем другой. Выбирайте.

– А что, вы теперь будете следить за мной? Проверять, послушался ли я вас?.. А если я, как вы, стану тайно стихи писать в амбарных книгах и прятать в шкафах, ну как вы тогда проверите, что я не бросил писать? В гости ко мне придете с обыском?

– Нет, Александр Григорьевич. Не приду. И по одной простой причине. Никогда вы ничего в амбарных книгах писать не будете. Ведь вам же надо быть в центре. Стоять на подмостках. Публиковаться. Получать премии, а потом сотни раз повторять, что вы лауреат, лауреат, лау...

– Хватит! – оборвал его письменник. – В конце концов вы врач, а я больной человек. Нельзя же так с больным. Будьте милосердны.

– Да я уже закончил. Перевожу вас в нейрохиргию. Но мы еще с вами встретимся. А о нашем договоре никому не говорите. Даже в органах. И еще одно обещание вы должны мне дать – спиртные напитки больше не пить! Запомните раз и навсегда! Иначе вам грозит внезапная смерть!

5

После разговора со Стасиком Арчибальдов не спал всю ночь.

«Что же, – подумал он, – если страшный диагноз не подтвердится, я обещаю Богу завязать и со стихами, и с журналистикой. Сторожем пойду работать. Или редактором. Возможно, Станислав Валерьевич и есть мой ангел-хранитель. И он давно уже предупреждал меня через свою маму этими жуткими амбарными книгами, что не делом я занимаюсь».

Утром красивая и аккуратная медсестра отвела его на третий этаж, где располагалось нейрохирургическое отделение. Лечащий врач, немногословный Кирилл Владимирович, сразу же заявил, что у Арчибальдова, скорее всего, редкий вариант болезни Шморля – межпозвоночной грыжи, которая и дает такую резкую боль.

После операции нейрохирург сказал, что диагноз подтвердился.

Что же теперь оставалось делать Арчибальдову? Писать нельзя, пить – тоже. Слава богу, общение с женщинами Стасик ему не запретил. Он вспомнил традиционные поездки на лодке с Леной, песчаные отмели, запах болотной травы и понял, что, наверное, еще не всё в его жизни потеряно.

Но, с другой стороны, это ведь глупо, совершенно глупо! Этот мальчишка просто решил посмеяться над ним, писателем! Тоже мне, психолог нашелся... Нет, он еще подумает, бросать ему писать или нет.

В первые дни после операции Арчибальдов ощущал боль при ходьбе и когда ложился на койку, но с каждым днем боль становилась всё меньше и меньше. По-видимому, Стасик обладал пророческим даром.

После выписки из больницы Арчибальдов вернулся к работе в газете. Это единственное из обещаний, которое он выполнить не сумел – пятидесятилетний писатель не умел зарабатывать деньги иначе как писаниной. Бросить писать стихи оказалось проще – советская власть закончилась, и за творчество перестали платить.

Каждый день он долго и напряженно думал о Стасике. Он понимал, что встреча с ангелом-хранителем не была случайностью. Более того – чувствовал Арчибальдов, что доктор должен явиться к нему опять и что отношения их приобретут какой-то совершенно иной вираж и размах.

Стасик появился неожиданно, и как раз там, где Арчибальдов не ожидал его увидеть.

В коридоре Дома работников торговли, опираясь на обшарпанный подоконник со следами отслоившейся грязно-белой масляной краски, стоял молодой человек с нездоровым, желтоватым цветом лица. Кости черепа отчетливо проступали сквозь бледную кожу. В руках человек держал большой старомодный портфель.

Арчибальдов не сразу узнал своего доктора. Да, это был Стасик.

– Я теперь сапожник без сапог, – как-то вяло, потерянно пробормотал он, глядя в глаза Арчибальдову. Невролог, страдающий опухолью мозга. Нейроглиома – опухоль коварная, агрессивная и неизлечимая. Этот портфель я принес вам. Там мои сочинения. Помните, мама приносила вам амбарные книги? Здесь практически всё, что я написал. Папа умер, мама состарилась. Квартира достанется моей двоюродной сестре, а она не только стихов, но и книг не читает. Возьмите всё это. Напечатайте хоть под своим именем. Может, вам за это хоть что-то перепадет. А то портфель на помойке окажется.

– Что вы, Станислав... – промямлил Арчибальдов.

– Валерьевич, – добавил Стасик.

– Да, Валерьевич. Вы помните, как совсем недавно я умирать собирался? А ведь не пришлось умереть. Так и вы, может быть...

– Александр Григорьевич, бросьте это. Чудес не бывает. Поймите – мы с вами ничем не отличаемся. То, что будет со мной через полгода, с вами случится через десять лет. Возьмите этот портфель.

В портфеле сочинитель обнаружил знакомые ему тетрадки и амбарные книги. Каждая из них была пронумерована красным фломастером на обороте обложки.

Что он будет делать с этими текстами? Ни одно издательство не станет публиковать это за свой счет. Может, сдать эти рукописи в областной архив?

Придя домой, Александр Григорьевич положил портфель в темную комнату, где он хранил летом лыжи, а зимой – надувную резиновую лодку и летние покрышки от колес.

6

О смерти Стасика он узнал через год от общего знакомого. Сразу же вспомнил про портфель и достал его.

Начал читать не с первой тетради, испещренной убористым и круглым детским почерком, а с двенадцатой.

Умерший доктор отдал Арчибальдову вовсе не черновики – Стасик писал в других тетрадях, а в эти аккуратно переписывал свои тексты.

Чем больше читал Арчибальдов стихи Станислава Сеницына, тем больше они завораживали его. Почему этот молодой доктор совершенно не хотел обнародовать свой талант? В чем была загадка этого человека? И была ли она, эта загадка, вообще?

Был ли Сеницын странным человеком? Может быть, странны все другие люди, которые сегодня соберутся в литературной студии?

Каждый человек ищет себе подобного и стремится к подобному. Ясно было одно – Синицын не только не подобен Александру Григорьевичу, но полностью противоположен ему во всем. Если Арчибальдов позитив фотографического снимка, то Стасик – негатив.

«Лед и пламень», как сказал поэт.

В этот вечер в литстудии намечалось обсуждение стихов Анфисы Чистяковой. Однако девушка не пришла. Дозвониться до нее не смогли – не брала трубку. Тогда Арчибальдов предложил стандартное проведение занятия – чтение стихов по кругу.

Когда все прочитали свои рифмованные творения и по традиции должен был читать руководитель, Арчибальдов вынул из пакета с надписью «Магнит Косметик» толстую тетрадь Стасика и прочитал одно стихотворение.

В комнате повисла звенящая тишина.

– Неужели... это... – начала была пожилая библиотекарша Мария Тихоновна, сидящая в углу. – Неужели это действительно вы написали? – нерешительно спросила она.

Кровь бросилась в лицо Арчибальдову. Да, старушка поняла, что это не его текст – он не может создать ничего подобного.

– Вы правильно заметили, Мария Тихоновна, – хриплым голосом сказал поэт. – Это не мой текст. Написал мой друг, который попросил не называть его фамилию. К сожалению, он ушел из жизни. Вам эти стихи понравились?

– Почитайте еще! – закричали студийцы.

– Нет, ребята, – оборвал руководитель. – Уже девять часов. Мы должны покинуть помещение. В другой раз.

По пути домой писатель зашел в закусочную, взял пятьдесят грамм водки и вдруг почувствовал, что от выпитого не стало ему спокойнее и веселее.

Нет, он никогда не бросит ни писать, ни пить, ни работать в газете.

«Слышите, Станислав Валерьевич? Не берите меня в свой рай, пожалуйста. Мне и здесь хорошо».

ЭКЗАМЕН

Иван Григорьевич родился в начале лета, и, наверное, потому и нравилось оно ему больше всех других времен года. Однако вовсе не был он и метеопатом – любил и доверчивое шуршание листьев под ногами в осеннем выстуженном парке, и первый нерешительный снег, и длинные лыжные прогулки в середине зимы, и оглушительный запах цветущих черемух.

Зимой ему разве что темнющие короткие дни-недоноски не ложились на душу. Очень хотелось не столько тепла, сколько лучистого света солнца.

Не секрет, что декабрь у нас самый мрачный из всех месяцев, так что в декабре и ждать-то солнечного света особенно не стоит. Но в этот год и январь от декабря совсем не отличался. Постоянная серая оттепель, однообразный мокрый снег с дождем – и на Новый год, и на Рождество, и на старый Новый год. Двадцатого января, в день рождения покойной бабушки Ивана Григорьевича, солнце тоже не показалось.

После долгих новогодних праздников началась традиционная сессия, и наш герой каждый день ездил в институт принимать экзамены. Но если в прошлые годы были между рабочими днями хоть какие-то просветы, то в этом мрачном году экзаменационные дни прекращались только по воскресеньям.

В этот день Ивану Григорьевичу было как-то особенно не по себе. Он плохо спал ночью. Впрочем, такое с ним и раньше случалось – проснешься в четыре часа утра, а ощущение такое, будто сейчас не четыре утра вовсе, а четыре часа дня – совсем спать не хочется.

Иван Григорьевич встал, побрился, сварил себе две сосиски. Он ел всегда «Нежные», но на этот раз их в «Магните» не оказалось. Пришлось покупать «Владимирский стандарт». Это тоже были неплохие сосиски, он часто брал их в маленьком деревенском магазинчике, когда ездил на дачу. К сожалению, дачный сезон уже два месяца как закончился.

От сосисок затошнило. Впрочем, тошнить могло и от крепкого чая – наш герой поленился заварить его в маленьком фарфоровом чайничке с отбитым носиком, оставшемся от бабушки, бросил пакет «Принцессы Нури» прямо в старую, треснутую советскую чашку с изображением Адмиралтейства и едва заметной надписью «Ленинград».

Иван Григорьевич включил компьютер и стал работать над книжкой. Он писал биографию одного ученого, известного в узких кругах. Ученый этот в какой-то степени был новатором и работал над очень даже не узкой в плане человеческой жизни проблемой – он впервые в истории человечества осуществил пересадку сердца, однако не человеку, а лягушке. К тому же это была вовсе не замена сердца, а пересадка второго, изолированного сердца в грудную полость. Результаты эксперимента были потрясающими – лягушки с двумя сердцами жили

в среднем до четырех месяцев, а одна даже протянула шестнадцать месяцев и девять дней.

Иван Григорьевич писал свою книгу прежде всего по велению души, а не по принуждению, но в то же время были в его труде интересы шкурные. Шкурные, но, заметим, не меркантильные. Денег у профессора Самойлова никогда не бывало и не предвиделось, и никогда он, честно говоря, не стремился к ним. Суть дела заключалась в том, что был наш профессор вовсе не профессором как таковым, то бишь не имел ученого звания профессора, а работал только в профессорской должности, с которой его каждый год грозились снять. Данная же монография должна была послужить надежной защитой от подобного неприятного события – всё-таки написание серьезной книги не каждому по зубам. Издать монографию предполагалось в том же институте, где работал Самойлов, самым что ни на есть крошечным тиражом. Дело было вовсе не в тираже даже и вовсе не в том, прочитают его книгу или нет, – дело заключалось только лишь в том, что он станет автором монографии, а уж это, как говорится, дорогого стоит. Несмотря на эти, казалось бы, тактические и шкурные интересы, работа над рукописью в этот темный бессолнечный январь была единственной отдушиной в жизни Самойлова.

Экзамен начинался в половине десятого. Это означало, что выходить из дому нужно примерно в девять сорок пять.

Пока двигатель нагревался, Иван Григорьевич ходил по двору. Стоял возле старого дуба, одного из древнейших деревьев в городе. Когда-то здесь, возле этого дуба, он впервые встал на лыжи – маленькие, детские, доставшиеся от двоюродного брата. Крепления на лыжах были самые что ни на есть деревенские – какие-то нелепые полугнилые ремни, в которые вдевались тупоносые детские валенки. Далеко на таких лыжах не уедешь. Впрочем, ребенку и не надо далеко ехать – по двору бы только покататься, съехать с небольшой горки к двум худосочным анемичным березкам так называемой «площадки». Он хорошо помнил, как папа старательно надевал лыжи на его тупоносые валенки, закреплял ремни, которые постоянно отстегивались. Один валенок был у него черного, другой – серого цвета, и он отлично помнил, что изначально оба валенка были черные, но потом с одним произошло что-то фатальное, необратимое. Папа всегда повторял, что к лыжам должны прилагаться еще и палки, да вот только палок у Вани никогда и не было. Просто папа брал его за руку, за нелепую голубую бабушкину варежку, и вел к горке, по которой страшно было ехать в гололед.

Все прошло. Ни лыж, ни папы. Только нелепый бело-оранжевый шлагбаум возле рыжих от ржавчины ворот.

Иван Григорьевич подошел к машине. Стрелочка ушла далеко уже от буквы «С» – значит, можно ехать.

Долго нажимал на кнопку пульта. Шлагбаум не открывался. Самойлов вспомнил маленького скуластого председателя ТСЖ, отвратительного мелкого жулика, поставившего этот шлагбаум. Наверняка он теперь придумал какие-то новые пульты. Во всяком случае, неблагополучие исходило от этого уродливого нечистоплотного человечка, только и думающего о том, где бы чего украсть. А может быть, просто пульт сломался?

Сомнения разрешил сосед Женя Симкин, гулявший с гавкающей собачонкой по двору.

– Дормидонтыч решил, что с телефона открывать современнее, – сказал он. – Пульт можешь выкинуть, а номер я тебе дам. Второй раз звонить не надо – шлагбаум автоматически закрывается.

Ушлый председатель одно время удачно торговал пультами, благодаря чему в рабочее время во дворе, где всю сознательную жизнь прожил Иван Григорьевич, парковались люди, работающие неподалеку. Машины рассасывались только после пяти часов вечера. Наш герой, как большинство преподавателей, работал по расписанию и зачастую возвращался с кафедры довольно рано, в середине рабочего дня. В это время благодаря ушлому Дормидонтычу всегда возникали проблемы с парковкой, и автомобиль приходилось ставить за два квартала от дома.

С машиной вообще всегда были проблемы. Иван Григорьевич вообще не помнил такого дня, чтобы в ней всё работало. Конечно, на всякие мелкие неисправности, не критичные для езды, он не обращал внимания. Но этими неисправностями никогда дело не ограничивалось.

Как только он отъехал от шлагбаума и вырулил на улицу, сразу же услышал знакомый стук подвески. Звуки учащались с увеличением скорости. Понятно было, что по колесу задевало что-то. Этот звук начался после посещения шиномонтажа. Но ведь шиномонтажники всего лишь снимали колеса и ставили их назад. Они не могли ничего повредить. Возможно, это просто совпадение, но в любом случае предстоит ехать в сервис, и в какую сумму эта поездка обернется, трудно было предположить.

Возле учебного корпуса его вновь встретил шлагбаум, но этот шлагбаум можно было открыть и при помощи пульта. Эти белые палки стали глубоко символичны для нашего времени – эпохи мышинной борьбы за частную территорию. Люди настолько отгородились друг от друга, что, казалось, сблизить их уже никогда не удастся.

На первом этаже толпились студенты, нервно ожидающие экзамена. Увидев Самойлова, они дико завизжали.

Крик молодых людей, не сумевших сдержать свои эмоции, был более чем понятен – Иван Григорьевич славился своим либерализмом и ставил двойки редко, в самых исключительных случаях.

Самойлов вспомнил, что сегодня был не просто экзамен, а переэкзаменовка, то есть на первом этаже кучковались отъявленные двоечники и бездельники.

Первой ему сдавала Аня Щеглова. Это была очень красивая и общительная девочка. Она была в меру умна, вежлива, адекватно относилась к окружающим. Кто знает, для чего была рождена эта девочка, во всяком случае Самойлов не видел у нее вектора развития. Очевидно было одно – любая учеба была не ее стезей. Учиться, получать знания – всё это лежало явно за пределами ее интересов. Похоже, что она и не скрывала свое настоящее отношение к учебе. Всем своим видом, всем своим поведением она давала понять, что все мы, конечно, очень даже умные, все мы очень современные люди, все мы прекрасно знаем, разумеется, что занимаемся здесь какой-то ерундой, какой-то мышинной возней. Но иного пути нет у нас – ну не может же нормальный современный человек быть без высшего образования, без этого самого пресловутого диплома, также как уважающий себя человек не может быть без денег, квартиры, машины и дачи, без двух жен, без двух (хотя бы!) детей и, разумеется, без двух любовниц – первой, умной и практичной не обязательно молодой и сексуальной, и второй, обязательно молодой

и сексуальной, но не обязательно, а может, даже и желательно неумной и непрактичной.

Аня села возле Самойлова, виновато улыбаясь.

– Такое ощущение, Аня, что ты не знаешь ни одного вопроса, – сказал ей профессор.

– Именно так, Иван Григорьевич. От вас ничего не скроешь. Но ведь я уже получила двойку. Со второй двойкой меня мама на порог не пустит.

Самойлов обратил внимание на то, что у Ани каждый ноготок был покрашен разной краской и на каждом еще нарисован маленький цветочек – ромашка, колокольчик, ландыш, розочка и еще какой-то цветок.

– А на другой руке – другие рисунки? – почему-то спросил он.

– Нет, – отвечала Аня. – Такие же. Пять разных рисунков для разных пальцев.

– Это интересно.

– Еще бы!

– Во всяком случае, интереснее экзамена.

– Вот именно! А главное, это совсем нестрашно. А вот эти экзамены... Давайте, я вам расскажу (и тут Аня предложила Самойлову вопрос, который знала лучше других, но который, как назло, не попался ей в билете).

Иван Григорьевич не возражал.

Аня действительно отвечала не так уж и плохо – на твердую тройку. По-видимому, именно этот вопрос она только и успела выучить.

А вот второй экзаменующийся оказал на него колоссальное впечатление.

Парень был ему не знаком, хотя его нестандартная внешность не могла не обратить на себя внимание и раньше – длинные волосы, татуировки на руках, кольцо в носу. Он часто видел его в столовой.

Владимир Тимофеев (а именно так звали парня) в этот день выглядел не просто странно. Он был совершенно не в себе.

Опытный профессор сразу же понял, что дело вовсе не в экзамене.

– Да какой экзамен, – сказал он Самойлову. – Мне теперь ваши оценки по барабану. Даже если меня выкинут из этого института, я много не потеряю. Армия мне не грозит – у меня бронхиальная астма тяжелой степени. А вот что теперь с мамой делать, не знаю.

Володя рассказал профессору, что недавно маме позвонил представитель службы безопасности и велел ей переложить деньги на безопасный счет. Вскоре оказалось, что это мошенник, и все мамины деньги растворились в криминальном российском воздухе.

– Деньги не слишком большие, – подытожил студент. – Всего-то около шестисот тысяч. Но ведь у мамы больше нет. Всё бы ничего, – поведал он профессору, перейдя на шепот, – но теперь эти люди обещают ей вернуть деньги.

– Ну, такого не бывает, – возразил Самойлов.

– Еще как бывает! – продолжал Володя. – Они просят ее поджечь банкомат.

«Неужели он всё это сочиняет только ради тройки за экзамен?» – подумал Самойлов.

– Может, отвечать будете? – предложил Самойлов.

– Да, я отвечу, – сказал студент. – Хотя можете мне и двойку поставить. Мне давно уже всё надоело. Жить не хочется совершенно.

Последние слова были сказаны в таком отчаянии, что профессор не сомневался уже в искренности Володи.

А когда он начал отвечать, Иван Григорьевич сразу же понял, что Тимофеев находится уже в другом мире, в котором оценка за экзамен действительно какая-то, как говорят физики, ничтожно малая величина по сравнению с другими явлениями.

Ответ был между тройкой и четверкой. Самойлов поставил «хор» и попрощался с Володей.

– Скажите, а вы бы пошли поджигать банкомат в таком случае? – неожиданно спросил его студент.

– Конечно, нет. Это же уголовное дело. Тем более что мошенники никаких денег маме не вернут.

– Я бы тоже не пошел, – ответил Володя. – Но она другая. Верит людям.

Остальные студенты отвечали настолько ужасно, настолько бесприсветно, что Самойлов окончательно заскучал.

После экзамена пошел в столовую со своим пакетиком чая. Это было дешевле. В студенческой столовой был один несомненный плюс – там всё было достаточно дешево. Однако меню не отличалось разнообразием. Сегодня был только застывший рис и куриные котлеты.

Кассирша дежурно поставила перед ним пустой одноразовый стаканчик из плотной белой бумаги. Она знала, что он ходит в столовую со своими чайными пакетиками.

На обратном пути всё было еще мрачнее – подвеска гремела еще больше, шлагбаум не открывался, несмотря на телефонные звонки, а когда открылся наконец и Иван Григорьевич въехал во двор, места для парковки не оказалось.

Он поехал к школе, где проучился десять лет. Но и там он обнаружил шлагбаум.

Как же так? Примерно неделю назад он оказался в такой же истории. Но тогда он спокойно оставил машину во дворе школы.

Ситуация понятная. Здесь тоже поставили шлагбаум. Но это незначительное, казалось бы, событие так возмутило Самойлова, что он и не заметил, как отъехал на несколько кварталов от школы. Заехал в первый попавшийся двор. Нет, это слишком далеко. Можно отыскать место и поближе к дому.

Отыскал. Вышел из машины.

Но тут с ним произошло что-то непонятное. Самойлов поймал себя на том, что не узнает родной город. Точнее, это было двойственное чувство. С одной стороны, он прекрасно знал, где находится, куда ему следует идти, где расположен его дом. И в то же время он понял, что с ним произошла какая-то катастрофа.

Нет, у него вовсе не случилось инсульта. И никакой боли он не испытывал. И в то же время ощущение какого-то липкого кошмара ударило его по голове. Он невероятно испугался. Ему показалось, что вся прошлая его жизнь только что закончилась и теперь никогда, никогда не будет к ней возвращения.

Прошлая жизнь закончилась, но началось что-то другое, страшное, непредсказуемое, никак не зависящее от его, Самойлова, планов и действий.

Он шел мимо школы, где проучился десять лет, и вспоминал учительницу физики Александру Ивановну.

«Каждый человек – кузнец своего счастья», – частенько повторяла бодрая женщина, поправляя на голове пучок седых волос, держащийся на огромных шпильках.

Кузнец?! А если кузнец, то надо взять молоток да и ударить по этому шлагбауму, надо взять этот молоток да и подойти к скуластому карлику Дормидонтычу, ударить его по зубам со всей силой. Изо всей силы молотком по зубам! Получай, ворюга, за все свои махинации!

Вернувшись домой, Иван Григорьевич сразу же включил компьютер. Работа над монографией наверняка должна была спасти его от этого кошмара.

Задержался на новостной строке в интернете.

«Пятидесятилетняя женщина облила бензином из канистры и подожгла банкомат в отделении Сбербанка РФ на улице Ванеева».

Нет, это совпадение! Это только совпадение!

Иван Григорьевич нажал на крестик.

«Вы действительно хотите отписаться от новостных уведомлений?» – появилось на экране монитора.

Самойлов нажал «отписаться».

Нет, никаких новостей!

Здоровье прежде всего.

Я ничего не видел, ничего не слышал.

Никто мне ничего не рассказывал.